

УДК 93/930.2
DOI: 10.17223/19988613/75/16

М.Ю. Шматов

МОДЕРНОСТЬ И МОДЕРНИЗАЦИЯ: ИНСТИТУТЫ, ПРАКТИКИ И ОБРАЗЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1934–1939 гг.)

Проводится анализ применения концепции модернизации для изучения советских трансформаций 1930-х гг. в Западной Сибири. С опорой на массовые делопроизводственные и информационно-публицистические источники раскрыты термины «модернизация» и «модерность» и определено их соотношение. Сделан вывод о дискуссионной применимости концепций модернизации и тоталитаризма к изучению советской системы. Рассмотрено несколько ключевых историографических подходов к модернизационной проблематике в контексте советской истории, сделаны выводы об их эффективности для исследования конкретных исторических процессов 1930-х гг.

Ключевые слова: модерность, модернизация, СССР, сталинизм, Западно-Сибирский край

«СССР <...> преобразился в корне, сбросив с себя обличье отсталости и Средневековья», – эти слова произнес И.В. Сталин 26 января 1934 г. в отчетном докладе XVII Съезду ВКП(б) [1. С. 15]. К этому времени «вождь» стал фактическим руководителем советского партийного государства, и его слова были официальной позицией большевистского руководства.

Вопрос об «отсталости» России и о преодолении этой отсталости мобилизационной политикой большевиков представлял собой практическую проблему для советского правительства и остается исследовательской проблемой для современных историков, макросоциологов и широкого круга публицистов, литераторов, общественных деятелей, рефлексирующих относительно «советского опыта модернизации». Эта проблема сохраняет актуальность в дискуссиях о вариантах и векторах модернизации современной России, в рамках полемики о будущем модерна в мировом масштабе, а также в непрекращающихся спорах (часто – аксиологических, ценностных) о советском наследии.

Указанная проблема была сформулирована самими большевиками, провозгласившими свое государство беспрецедентным в мировой истории (не считая недолговечной и карликовой Парижской коммуны). С легкой руки творцов большевистского нарратива советский государственный строй был объявлен самым передовым, а значит – самым современным. Известный американский исследователь революционных процессов М. Малиа считал постоянное стремление коммунистов «поддерживать свою современность» причиной «советской трагедии» [2. С. 507–521]. В то же время многие современники большевистского эксперимента считали его действительно передовым – даже если не испытывали явных симпатий к практикам и функционерам партийного государства.

По мере выхода СССР на мировую арену в качестве великой державы (а после 1945 г. – одной из двух сверхдержав) активизировалась дискуссия о природе такого цивилизационного и системного рывка. Одна группа исследователей, преимущественно представители «тоталитарной школы», позиционировали СССР как воспроизводство традиционной российской госу-

дарственности. Один из корифеев послевоенной западной советологии, Р. Пайпс, оценивал политические практики большевиков в раннесоветский период как дальнейшее развитие «России при старом режиме» [3]. Другой исследователь – из следующего поколения «тоталитарной школы» – Й. Горлицкий сформулировал концепт неопатримониализма как сущностной характеристики сталинской системы и на политическом уровне, и в социокультурном измерении [4]. Роль И.В. Сталина, институтов и лидеров партийного государства в этом ключе интерпретируется как традиционалистская – воспроизводящая архаичные, доиндустриальные и домодерные институты и практики (формальные, а в большей степени – неформальные, базирующиеся на личном авторитете персон, а не на формально-правовом фундаменте).

Эти положения носят концептуальный и объяснительный характер – их авторы стремятся понять и сформулировать сущностные характеристики советского социально-политического строя. Один из крупнейших современных исследователей политической истории сталинизма, российский историк О.В. Хлевнюк, доказывает эти тезисы, раскрывая природу сталинизма, в котором ключевую роль играл «хозяин», или «вождь». Следует согласиться, что эти элементы аутентичного советского нарратива связаны с архаичными, догосударственными социальными общностями – в любом государстве (не говоря уже о государствах современного типа, сложившихся в раннее Новое время) руководители уже не являются вождями, соответственно, и титулатура совсем иная. «Хозяином» И.В. Сталина неформально именовали члены Политбюро ЦК ВКП(б), а термин «вождь» был общеупотребимым и фактически официальным.

Если вслед за историком и социальным философом М. Фуко рассматривать дискурс, распространенный в социальной системе, как отражение реалий этой системы [5. С. 250–259], то вождизм – знак архаичности большевистских политических практик. Именно на такой позиции стоит американский историк А. Гетти. Не будучи представителем «тоталитарной школы», а напротив, исследуя причины возникновения широ-

кой (и искренней) социальной поддержки сталинизма, этот исследователь доказывает, что советская модель была хорошо знакома и понятна населению СССР, поскольку воспроизводила институты и практики, существовавшие с XVII столетия [6]. Исследователь сталинской идеологии Д. Бранденбергер и вовсе считает возврат к традиционным образам и практикам залогом выживания сталинского режима в стране, где авангардные идеи марксизма просто не воспринимались и отторгались населением [7. С. 8, 18]. Кстати, в этом отношении современные историки не являются новаторами: тезисы о возврате И.В. Сталина к традиционализму выдвигали и современники сталинизма из числа эмигрантов: Н.А. Бердяев, Н.В. Устрялов, Н.С. Тимашев и др.

Однако рассмотренные концепции не вполне отвечают на вопрос о том, почему в раннесоветской системе присутствовала существенная, даже избыточная социокультурная и экономическая динамика. Между тем современники сталинского СССР, по-разному оценивая события концептуально и аксиологически, были едины в своем внимании к существенным изменениям в стране. Пытаясь ответить на вопросы, как, какими методами, а главное – куда двигалась советская страна в межвоенный период, историки-«ревизионисты» второй половины XX в. исследуют природу устойчивости сталинского режима в стране с колоссальной социальной нестабильностью. В этих поисках и дискуссиях родилась социальная история СССР, изучаемая Ш. Фицпатрик [8], А. Грациози [9], С.А. Красильниковым [10] и многими другими историками, социологами, демографами.

Один из очевидных ответов: в СССР существовал образ будущего, который одни авторы называют современным и просветительским (С.Ю. Рыбас [11. С. 14, 347], М. Дэвид-Фокс [12. С. 48]), а другие – эсхатологически-религиозным (Ю. Слэзкин) [13. С. 902, 940]. Однако образ – это лишь симулякр реальности, который без должного эмпирического подтверждения не найдет отклика в социуме. Историк О. Великанова исследовала образ «разочарованных мечтателей» – советских граждан конца 1920-х гг, разуверившихся в коммунистических идеях [14].

Значит, социальную опору сталинизма формировали и его практики. Одной из самых распространенных и официально декларируемых была практика преобразования страны – сначала для ее «осовременивания», а затем – для превращения в самое передовое общество. Идея рывка (сначала до уровня ведущих мировых держав, а затем – и вперед них) позиционируется рядом исследователей как модернность – т.е. стремление к современности, модерну. Сквозь призму «специфического варианта модернизации» советский исторический эксперимент изучает Д. Хоффман – автор фундаментального научного труда, названного в духе большевистского нарратива «Вращивание масс» [15]. С его точки зрения, жесткость и экстремальность практик советской системы обусловлена именно запоздалостью модернизации исторической России. Исследование Д. Хоффмана носит компаративистский характер – СССР сравнивается с другими развиваю-

щимися государствами XX в., что наводит автора на мысль об общецивилизационной закономерности существования в СССР именно такого режима.

Ряд российских исследователей вслед за немецким мыслителем Э. Юнгером и экономистом-эмигрантом русского происхождения Б.Д. Бруцкусом называют такой тип режима мобилизационным [16. С. 3–45]. По-разному оценивая сущность и результаты деятельности мобилизационного режима, его исследователи отмечают форсированный характер и избыточную затратность его функционирования. Это объясняется другим видным западным исследователем модернизаций и модерности М. Дэвидом-Фоксом как следствие отсталости социальной, политической и, прежде всего, экономико-технологической системы СССР (и его предшественницы – Российской империи). При этом, в отличие от Д. Хоффмана, М. Дэвид-Фокс более осторожно использует термин «модернизация» применительно к советским практикам [12. С. 90–102]. В этом отношении с ним солидарны западные и российские макросоциологи Р. Коллинз [17] и Н.С. Розов [18], считающие, что модернизация становится социальной реальностью в условиях, отличных от советских: рыночная экономика, политические права и свободы и др.

Однако М. Дэвид-Фокс использует термин «модерность», означающий не модернизацию как процесс, а образ этой модернизации, используемый в обществе [12. С. 96]. Перед нами стоит цель раскрыть термины «модерность» и «модернизация», используемые в советологических исследованиях, и проанализировать их применимость, используя для этого конкретно-исторический контекст Западно-Сибирского региона в 1934–1939-х гг., в период некоторой стабилизации советского социума после событий «Великого перелома». В этот же период в СССР, после XVII съезда ВКП(б), прошел ряд массовых политических кампаний, направленных на легитимацию советского строя путем «всенародного» участия в выработке новой Конституции (1936) и проведения выборов в Верховные Советы СССР, союзных республик и отдельных регионов (1937–1939).

Выбор территориальных и хронологических рамок обусловлен исторической спецификой Западной Сибири. С одной стороны, это «типичный» советский край, в котором представлены все основные социальные общности межвоенного СССР. С другой стороны, в русле индустриализации и модернизации Сибири отводилась особая позиция – региона-дублера производственной базы страны. Поэтому, изучив сущности и практики основных советских институтов в данных территориально-временных рамках, а также рассмотрев образы этих институтов и практик, представляется возможным решить задачи выявления, типологизации и определения границ модерности, модернизации (и модерна) как исторических характеристик советской системы [19] в региональном – прежде всего, социально-мировоззренческом – контексте.

Нами с использованием системного подхода к изучению советской социально-исторической общности (СССР, его система власти и группы населения) проводится исследование на трех уровнях:

1) макроуровень – советская модель в мировых реалиях межвоенного времени;

2) мезоуровень – взаимодействие и конфликты групп населения (в этом смысле бинарная оппозиция «власть–общество» утрачивает принципиальное значение – агенты партийного государства изучаются как элемент сложной социальной системы);

3) микроуровень – индивидуальный мир отдельных граждан и небольших социальных групп (семья, коллектив, квазисообщества вроде митингов, демонстраций, спецпоселков, пациентов больниц и других стихийно и краткосрочно возникающих общностей).

Для работы с многочисленными текстовыми и визуальными источниками применяется теория деконструкции нарратива французского исследователя Ж. Дерриды [20. С. 67, 170]. Выделяя в массиве советского дискурса отдельные, значимые с точки зрения смысла и семиотики элементы, можно подвергнуть анализу их содержание-текст (метод контент-анализа), смысл-контекст (дискурс-анализ) и цель создания-интертекст (интент-анализ). Методологическая сложность работы с источниками обусловлена их многочисленностью и сложным типологическим составом: от публицистики в периодической печати и специальной литературе до делопроизводства (включая секретное); от визуальных мобилизующих образов плакатов и карикатур до идеологически ангажированных и инструментализированных законодательных документов; от семантики архитектуры и городских ландшафтов до личной рефлексии в эпистолярных (письма) и эпидейктических (дневники) текстах. Сложная системная динамика СССР породила не менее сложный корпус источников, которые, однако, позволяют раскрывать разные стороны объекта исследования. В то же время для четкого понимания сущности исследуемой проблемы необходимо сформулировать ее терминологический аппарат.

Точность или аутентичность? Термины и их применимость

Одна из ключевых проблем изучения истории СССР как на источниковедческом, так и на концептуальном уровне вызвана потребностью в «дешифровке» советского нарратива. Это касается как официальных текстов, так и всех остальных, оказавшихся под влиянием сложившихся уже в раннесоветской эпохе дискурсивных традиций. Литератор Дж. Оруэлл метко назвал такие традиции «новоязом». Сам факт появления «новояза» можно оценивать как элемент советской модернизации – ведь новая реальность ожидаемо требует новых терминов [21. С. 10]. Вопрос лишь в том, насколько новой была эта реальность? Не было ли это явление лишь образом коренных изменений?

Советские термины отражают реальность, поэтому отказываться от их использования нельзя. Однако необходимо определиться: в каком качестве их использовать – как термины для обозначения явлений или же как источники для изучения этих же явлений и поиска более адекватных терминов для их обозначения. Яркий пример – дискуссия вокруг аутентичного

советского термина «раскулачивание», за которым в реальности скрывалось репрессивное раскрестьянивание [10. С. 10–25]. Этот пример симптоматичен, поскольку свидетельствует о присвоении советским дискурсом позитивных коннотаций противоречивым и порой катастрофичным процессам.

Более дискуссионный пример «подмены понятий» демонстрируют широко употребляемые в исторической науке советские термины «индустриализация», «коллективизация» и «культурная революция». Став не только идеологическими, но и академическими клише, эти слова, однако, не в полной мере раскрывают сущность макропроцессов, происходивших в межвоенном СССР. Под этими формулировками «новояза» в первую очередь следует понимать форсированную и преимущественно принудительную, мобилизационную этатизацию в индустриальной, аграрной и культурно-мировоззренческой сферах (хотя, безусловно, значительная часть современников усвоили и применяли советский нарратив). Важно оценить соотношение этатизационных процессов с модернизацией в различных сферах советской жизни (как в реальности, так и в мировоззренческих установках разных категорий советских граждан).

Термин «модернизация» в советском нарративе 1930-х гг. практически не встречается. Контент-анализ периодической печати общесоюзного (газета «Правда») и краевого (газета «Советская Сибирь») уровней за 1934–1939 гг. показывает, что слово «модернизация» и производные от него («модернизировать», «модернизационный») употребляются всего 2 раза в узком техническом контексте: когда речь идет о модернизации оборудования предприятий или ветхих зданий (подсчитано по результатам контент-анализа 543 текстов из 198 номеров газеты «Правда» (июнь 1934 – июнь 1939 г.) и из 202 номеров газеты «Советская Сибирь» (июнь 1934 – июнь 1939 г.): слово по одному разу упоминается в обеих газетах). При этом синонимичные слова и конструкции «развитие», «улучшение», «усовершенствование», «новый уровень» упоминаются более 600 раз в 543 текстах. В официальном Политическом словаре 1940 г. под редакцией Г. Александрова, В. Гальянова и Н. Рубинштейна, содержащем несколько тысяч идеологических терминов из разных сфер советской жизни, слово «модернизация» отсутствует.

Советский дискурс фактически не прибегал ни к концепции модернизации, ни к одноименному термину. Близкая по смыслу фраза «социалистическая реконструкция» означала в первую очередь марксистскую смену социально-экономической формации, поэтому ее нельзя считать в полной мере синонимичной слову «модернизация». Академическая теория модернизации, объясняющая эволюционные или форсированные (революционные) трансформации архаичных обществ в современные (модерные), сложилась в западных социально-гуманитарных науках в середине XX в., и лишь впоследствии произошла ее рецепция в отечественном гуманитарном знании [19]. В то же время понимание модернизации как «осовременивания» всего общества, а не только отдельных, технических его областей, в официальном дискурсе сталинского

агитпропа косвенно существовало. Ближайшим синонимом слова «модернизация» в «новоязе» 1930-х гг. был не конкретный термин, а комплекс идеологем-клише: «догнать и перегнать», «пробежать / сократить отставание», «построить новый мир / новое общество / новую формацию / нового человека». Контент-анализ вышеупомянутых 543 информационных и публицистических источников общесоюзной и региональной советской периодики демонстрирует, что такие конструкции использовались более 250 раз, причем интенсивность их применения возрастала в 1936–1937 гг. – в период массовых политических кампаний легитимационного характера (конституционно-электоральные кампании). Контент-анализ упомянутой общесоюзной и региональной советской периодики демонстрирует массовые упоминания словосочетаний, содержащих слово «новый» и производные от него. Дискурс-анализ, направленный на изучение контекста, в котором употребляются эти фразы, демонстрирует, что примерно в 80% случаев «новый» – это стилистически позитивный эпитет, означающий качественный переход от прежнего (порочного и «отсталого») состояния страны и ее населения к совершенному (социалистическому). В оставшихся 20% случаев слово «новый» часто имеет подчеркнuto негативный контекст – когда речь идет о новых организациях «врагов народа» или о новых фактах всевозможных реальных и мнимых преступлений против советского строя, заговорах, агрессиях и пр.

Такая дискурсивная практика непротиворечиво интегрирована в контекст большевистского исторического метанарратива: с первых лет советской власти большевики воспринимали свою систему как авангард развития человечества – пример общества нового типа, который затем следовало распространить на весь мир. Можно соглашаться или спорить с выдвинутым Н.С. Тимашевым концептом «Великого отступления» режима И.В. Сталина от «доктрины» коммунизма и мировой революции [22] в пользу «неоимперскости» и «национал-большевизма», однако даже концепция «социализма в отдельно взятой стране» подразумевает создание принципиально нового типа государства и общества, призванного служить глобальной альтернативой «капиталистическому» миру. С такой позицией соглашаются современные историки – приверженцы концепта «Великого отступления» – исследователь сталинской идеологии Д. Бранденбергер [7. С. 9, 50], системный аналитик и апологет сталинских преобразований А.И. Фурсов [23. С. 10, 143], исследователь социальной истории межвоенного СССР Ш. Фицпатрик [8. С. 56] и др. Очень ярко идея позитивной «новизны» советского строя прослеживается, например, в вышедшем во время кампании по принятию «сталинской» Конституции 1936 г. художественном фильме «Цирк» режиссера Григория Александрова.

Итак, в оптике сталинской пропаганды СССР не просто создавал нечто новое в технике, культуре или спорте – он сам представлял принципиально новым явлением – как на государственном, так и на мировом уровне. Советская идейная модель была обращена в будущее (и не простое, а «светлое», т.е. однозначно

позитивное и прогрессивное), однако по множеству показателей вышедшая из Первой мировой и Гражданской войн страна не могла считаться передовой. По этой причине пропаганда настойчиво говорила о форсированном догоняющем развитии, т.е. о модернизации, говоря языком одноименной объяснительной теории. В этой связи термины «индустриализация», «коллективизация» и «культурная революция» гипотетически можно определять так: «большевистский (партийно-государственный, форсированный и мобилизационный) вариант модернизации в промышленной, аграрной и культурно-мировоззренческой сферах жизни». Однако для проверки этой рабочей гипотезы необходимо учитывать существенные противоречия между реальными показателями советской системы и идеологическими образами-конструктами, которые выдающийся французский гуманитарный исследователь Ж. Бодрийяр именовал симулякрами [24]. Суть в том, что симулякр, захватывая информационное, а затем когнитивно-мировоззренческое пространство жизни людей, может заменить им реальность. В истории СССР этот тезис особенно актуален – пропаганда формировала альтернативную реальность, в которой многие советские граждане публично считали вымыслом особо тяжелые факты реальности вроде голода, репрессий и даже стихийных бедствий, которые якобы невозможны в советской стране [25. Ф. Р-1235. Оп. 114. Д. 24. Л. 15].

Иными словами, следует отличать *модернизацию* как объективный процесс формирования современного общества от *модерности*, под которой в данном исследовании мы понимаем идеолого-мировоззренческий симулякр (проще говоря – *идею*) современности, технологичности и развитости советского общества в сравнении с предшествующими эпохами в истории России и с современными межвоенному СССР «буржуазными» обществами. Чтобы решить задачу разграничения и соотношения *модернизации* и *модерности* в реалиях огромного, динамично трансформировавшегося, но исторически отстававшего в своем развитии Западно-Сибирского региона СССР, проанализируем системные *показатели модернизации* и идеолого-мировоззренческие *образы модерности* и оценки этих процессов современниками и исследователями-советологами.

Модернизация как историческая и историографическая проблема

Если в наши дни следовать на поезде из Новосибирска в Кузбасс по направлению к пос. Промышленная и г. Ленинску-Кузнецкому, на пути встретится остановочная платформа Мотково. В окрестностях одноименного села, среди хвойного леса находятся руины крестьянской мельницы середины XIX столетия, заброшенной спустя сто лет [26]. И железнодорожная линия Инская–Промышленная, и гибель и забвение мельницы – результаты сталинского модернизационного проекта в Западной Сибири. Две новые железнодорожные линии, построенные в начале 1930-х гг. для нужд создания Урало-Кузнецкого металлургического комбината, конечно, служили «дорогой в современ-

ность», как писал европейский историк Б. Шенк [27]. Но они пролегли мимо коллективизированных в те же годы деревень, локальная инфраструктура которых распалась после того, как зерно перестали молотить на частных мельницах «кулаков», а сами поля и угодья стали «колхозными» (т.е. *de facto* этатизированными).

Исчезали не только элементы деревенской инфраструктуры, но и нередко сами деревни. Ситуация в аграрной сфере в начале 1930-х гг. именуется историками квазигражданской войной (С.А. Красильников) или даже «последней крестьянской войной в истории Европы» (А. Грациози) [9. С. 5, 12; 10. С. 15–24]. От этой катастрофической ситуации крестьяне, стремительно терявшие свой прежний социальный статус и превращавшиеся в маргиналов, бежали в города, надеясь на «великих стройках» спастись от «Великого перелома». Беженство из сельской местности в города было одной из форм ликвидации старого сельского уклада.

Другой формой стало поглощение сел и деревень быстро растущими городами. Ярким примером служит история расширения Новосибирска в 1930-х гг. – в рамках строительства Комсомольского (имени КИМ) железнодорожного моста через Обь, создания индустриального гиганта «Сибкомбайн» и других предприятий на левом берегу Новосибирска был создан Заобский район (с 2 декабря 1934 г., после убийства С.М. Кирова, район стал называться Кировским), поглотивший сразу несколько сельских населенных пунктов: Бугры, Ветково, Малое Кривошеково, Ерестную. Похожая судьба постигла старинное село Усть-Иня во время строительства Эйховского района (после репрессий против партийного лидера Западной Сибири Р.И. Эйхе район переименовали в Первомайский) [28. С. 110–114, 124–126].

По «количественным показателям» подобные процессы свидетельствовали об урбанизации – важнейшем элементе создания современных обществ. Однако сельские жители становились горожанами стремительно, зачастую вовсе не добровольно, а их уклад жизни в лучшем случае не изменялся (в худшем – бывшие обитатели сельских домов переселялись в бараки и землянки при индустриальных гигантах). Такой процесс следует именовать *рурализацией* городской жизни; многие ее черты сохраняются до сих пор в виде больших участков «частного сектора» в городах – часто на местах бывших деревень.

Если оценивать модернизацию как комплексный процесс трансформации архаичного общества в современное, то применительно к советским реалиям в Западной Сибири следует говорить о «*консервативной модернизации*» – такую формулировку использует исследователь А.Г. Вишневский [29]. Он не отрицает модернизационных процессов, проводимых советским руководством, но отмечает их консервативный характер, определивший отличия исторического опыта СССР от государств Западной Европы и США: советский вариант модернизации создавал «инструментальную базу» промышленного развития, но не способствовал развитию рыночных институтов и других «атрибутов» модерна.

В огромном пространстве Западно-Сибирского края, освоенном до революции хуже, чем европейская часть страны, модернизация осуществлялась «очаговым» путем – ее «форпостами» стали крупные промышленные предприятия с прилегающими кварталами. Одним из символов советского модерна вполне закономерно считаются «соцгородки» – жилые комплексы со всей необходимой инфраструктурой вокруг основных заводов, застроенные жилыми домами и общественными зданиями (ДК, школы, больницы) в авангардном конструктивистском, а затем неоклассическом («ампирном») стиле. «Артериями» между «очагами» модернизации служили железные дороги.

В сельской местности подобными «очагами» модерности можно считать либо отдельные элементы современных социальных систем – школы, дома культуры, учреждения здравоохранения, ясли, библиотеки, либо специфические (и действительно новые) экономические единицы и населенные пункты – машинно-тракторные станции – МТС (в ряде районов с учетом хозяйственной специфики создавались моторно-лодочные станции для рыболовов или машинно-сенокосные станции для скотоводов). В МТС на определенных этапах существовали политические отделы для идейно-мировоззренческого контроля над населением (массовая пропаганда, по справедливому замечанию Д. Хоффмана, – тоже элемент модерна [15. С. 221]), но главное – именно МТС обеспечивали механизацию сельского хозяйства – ключевой элемент модернизации аграрной сферы. Разумеется, не в полном объеме... Эмигрантский публицист К. Рошковский в 1938 г. писал в газете «Младоросское слово», выходившей в далеком бразильском Сан-Паулу, что большевики «попросту не справляются с освоением страны, особенно далеких ее областей» [30].

Необходимо констатировать, что одним из мрачных итогов советского варианта модернизации стало создание в крае сети еще одних принципиально новых населенных пунктов – спецпоселений. Одной из целей их создания было хозяйственное освоение труднодоступных северных районов, в том числе для добычи леса в интересах индустриализации. Технически массовые и стремительные депортации столь огромного количества людей действительно стали возможны лишь в результате развития транспорта и мобилизационных механизмов государственных институтов. Однако возможно ли считать трагедию миллионов крестьян с сомнительными экономическими итогами цивилизационной модернизацией? Дискуссия о соотношении социальных, экономических, политических целей модернизационных процессов и их влиянии на судьбы людей ведется многими исследователями – эту проблему, в частности, подробно раскрыл историк Л.И. Бородин [31].

Своего рода всплеском модернизационной активности партийно-государственных институтов становились массовые политические кампании. Таковыми выступали любые связанные с политикой акции: от уборки зерна («хозяйственно-политические кампании») до судов над «врагами народа» или обсуждений зарубежных событий (например, гражданской войны

в Испании). Однако одни из самых крупных кампаний прошли в 1934–1939: между XVII и XVIII съездами ВКП(б), в рамках реализации грандиозного проекта легитимации большевистской власти после «Великого перелома». Этот проект включал принятие новой Конституции, которому предшествовало «всенародное изучение и обсуждение» ее проекта, а затем – выборы в Верховный Совет СССР (декабрь 1937 г.) и Верховные Советы союзных республик (лето 1938 г.).

Такие кампании служат «индикатором» советской «консервативной» [29. С. 12–17] и «мобилизационной» модернизации – для достижения важнейших политических целей партийное государство должно было использовать весь свой потенциал. Более того, кампании подчеркивали «современность» советского строя и его достижения: например, в 1937 г. в честь новой Конституции был организован женский автопробег в Среднюю Азию, к памятным датам проводились авиационные парады, спортивные праздники с парашютными прыжками [25. Ф. Р-3316. Оп. 29. Д. 936. Л. 1–3].

Мероприятия конституционно-электоральных кампаний более результативно были выполнены в центрах модернизации – среди квалифицированных городских рабочих, корпораций интеллигенции (учителя, медицинские работники, советские служащие), а также в МТС [32. Ф. Р-527. Оп. 1. Д. 1208. Л. 16]. В отдаленных районах Западно-Сибирского края обсуждение конституционного проекта срывалось из-за инфраструктурных проблем: в села Искитимского, Ордынского, Каргатского районов из-за осенней распутицы не смогли доехать автомобили с агитационной литературой [25. Ф. Р-7522. Оп. 1. Д. 40. Л. 117], в Черепановском районе не работало радио в ряде агитационных пунктов [32. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3002. Л. 2], а с несколькими селами, по словам прибывшего из ЦК ВКП(б) проверяющего, «несколько месяцев не было связи» [25. Ф. Р-1235. Оп. 114. Д. 24. Л. 11]. Такая логистическая разобщенность демонстрирует сложности в целостной модернизации региона, а также порождает концептуальный вопрос о применимости термина «тоталитаризм»: если можно говорить о *тоталитарной идеологии* и *тоталитарном режиме*, стремящемся к контролю над социумом, то *тоталитарной системы* в чистом виде сложиться не могло по причине невозможности полного контроля над всеми советскими людьми.

Другой проблемой модернизационного процесса был его кадровый потенциал. В 1935 г. И.В. Сталин произнес знаменитую фразу: «Кадры решают все». Один из ключевых принципов дискурс-анализа можно сформулировать так: «Если о чем-то говорят, значит это является проблемой». Качество кадров партийно-советских функционеров, а также взаимодействовавших с ними активистов (для удобства их можно именовать *агентами власти*) оставляло желать лучшего. Оставляя за скобками хорошо изученную проблему репрессий против «старой интеллигенции» и сложности с подготовкой новых научных и технических кадров, отметим, что даже в деле организации ключевых идеолого-пропагандистских кампаний функционеры зачастую не справлялись со своими задачами.

С одной стороны, некомпетентность агентов власти была вызвана сложностью и неординарностью идеолого-политических задач. Конституционно-электоральные кампании подразумевали резкий дискурсивный разворот от идей классовой борьбы к образам единого советского народа с демократическими правами и ценностями и немногочисленными, но опасными врагами. Функционеры, среди которых в Западной Сибири менее 50% имели оконченное среднее образование и менее 10% – высшее, терялись и выдавали опусы, вроде заявлений о том, что «колхозы отменяют», «прокурор будет контролировать ЦК, СНК» и т.д. [Там же. Ф. Р-7522. Оп. 1. Д. 40. Л. 117.].

Однако часто причины неудач мероприятий кампаний крылись в лени, нежелании работать и в банальном пьянстве функционеров вплоть до уровня секретарей районных партийных и комсомольских организаций [32. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 3, 43.]. В Куйбышевском районе секретарь райкома ВКП(б) И. Выленок провалил свое выступление по причине своей низкой популярности – почти никто из «трудящихся» не явился, звучали «провокационные» вопросы.

Нередко на помощь местным функционерам крайком / обком партии или комсомола высылали своих инструкторов. Иногда они приезжали и из Москвы – из ЦК ВКП(б), Центральной избирательной комиссии, ЦИК СССР. Один из таких столичных эмиссаров – уполномоченный ЦК ВКП(б) по подготовке к выборам в Верховный Совет СССР А.В. Пунегов, проверяя осенью 1937 г. подготовку к выборам в Кузбассе, прямо назвал «несовременной и провальной» работу секретарей городских парторганизаций даже в стратегических промышленных центрах – Прокопьевске и Ленинске-Кузнецком [25. Р-7522. Оп. 1. Д. 40. Л. 106–111].

Советский вариант модернизации в логистически отдаленном и в известной мере архаичном регионе сталкивался с объективными и субъективными трудностями, которые приходилось преодолевать мобилизационным путем – в том числе посредством мобилизации массового сознания через мировоззренческие образы, о которых речь пойдет далее.

«Мобилизованное время»: модернность как идеология и образ мыслей

Еще в сентябре 1917 г. В.И. Ленин написал статью «Грозная катастрофа и как с ней бороться»; в ней прозвучали слова о необходимости экономически «догнать и перегнать» передовые страны. Эти слова «вождя» стали лейтмотивом советской мобилизационной идеологии. Таким образом, идея развития в духе современности и рывка в будущее была одной из ключевых в советском дискурсе, однако эта идея обрела *конфронтационный* характер – не только по отношению к современности (показатели СССР сравнивались с показателями «буржуазных» стран), но и к прошлому (почти сакральным для советской статистики был 1913 год с его последними предвоенными показателями развития Российской империи).

При этом, информируя население о бурном развитии страны, советский агитпроп делал акцент на реги-

ональной специфике. Сибирские газеты и агитаторы сравнивали советскую Сибирь с дореволюционной, которую характеризовали исключительно как «место каторги и ссылки» и «дикий край» [33]. Впрочем, и эмигрантская пресса отмечала «неожиданную индустриализацию» некогда глухой Сибири – правда, в издаваемой в Болгарии под эгидой бежавшего из лагерей системы ГУЛАГа публициста И.Л. Солоневича газете «Голос России» писали и о «непомерном росте масштаба Сибирской каторги» [34].

«На вооружение» советской пропагандой были взяты даже стихотворные строки из произведения А.С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», где поэт писал о «ныне диком тунгусе», т.е. представителе коренных народов Сибири. Конституционно-электоральные кампании 1936–1937 гг. совпали со 100-летней годовщиной гибели А.С. Пушкина, которая была встречена в СССР кампанией памяти поэта, в ходе которой его произведения издавались практически на всех языках народов СССР (как и тексты «сталинской» Конституции) [35. С. 190]. Массовое книгоиздательство на национальных языках – важная черта культуры и идеологии модерна, и в СССР подчеркивали такую деятельность. Другой – советский – поэт-акын Джамбул в эпических стихотворениях о советской власти подчеркивал прогресс, который она принесла кочевым народам [36].

Не следует забывать вышеупомянутый тезис: «если о чем-то говорят – значит это является проблемой». Наиболее часто о прогрессе, современности и разительных отличиях от мрачного прошлого говорили и писали в адрес сельского населения и этнических меньшинств. Более 60% публикаций о достижениях советской системы в газете «Советская Сибирь» посвящены именно колхозам, причем репортажи и информационные заметки подписаны именами сельских корреспондентов или самих жителей сельской местности (подсчитано по материалам 335 текстов газеты «Советская Сибирь» (июнь 1934 – июнь 1939 г.)).

В то же время однозначной уверенности в «современности» советского строя и реалий у граждан не наблюдается. Реальные достижения 1930-х гг. (успехи в полярных исследованиях, освоении воздушного пространства, научно-технические изобретения) были хорошо известны городским и сельским жителям (это свидетельствует не только о качестве пропаганды, но и о реальном интересе к успехам и к успешным людям), воспринимались позитивно, однако порой вызывали у граждан состояние когнитивного диссонанса и недоверия. «Писали про самолет на льдине, а мы ни одного самолета не видели», «говорят про трактор, а пашут вручную», – так в ходе идеолого-пропагандистских мероприятий заявляли некоторые колхозники [32. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3001. Л. 4].

Пропаганда рисовала образы будущего, наиболее приемлемые и интересные для молодежи. Обложки журнала «Техника молодежи», издававшегося ЦК ВЛКСМ, пестрели изображениями оружия и транспорта будущего. Кроме того, семиотика изображений на таких обложках часто содержала антитезу старого и нового: например, изображение скоростного поезда, идущего через пустыню с караваном верблюдов.

При этом мобилизационные практики большевиков в качестве реакции вызвали возрождение множества традиционных практик, служивших средствами психологической защиты от вмешательства государства в вековой уклад аграрного населения – такое вмешательство жестко и последовательно критиковал американский историк Дж. Скотт [37]. Он считал, что в ответ на форсированную модернизацию крестьянские сообщества переходят к тактике пассивного сопротивления («оружие слабых») в экономике и мировоззренческих установках. Так, советские атеистические кампании привели к росту популярности и социальной значимости религии и церкви. Ряд «контрреволюционных вылазок» в ходе конституционно-электоральных кампаний носил религиозный характер; верующие разных религий и конфессий на скудные средства поддерживали храмы, стараясь защитить их от закрытия [32. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2993. Л. 144].

В то же время, каких-либо значительных иных альтернатив большевистским организациям и практикам не было: в отличие от ситуации самого начала XX в., в советский период единственными институтами, осуществлявшими модернизационные процессы и пропаганду модерна были именно большевистские, советские и связанные с ними институты и функционеры, советская власть взяла на себя монополию и ответственность за модернизацию огромной страны.

Модерность – т.е. идея о современном, даже передовом советском строе – находила в социуме частичный отклик, при этом сконструированный пропагандой образ советской модерна был исторически достаточно молодым и зыбким, поскольку сознание многих советских граждан сохраняло архаичные свойства. Объективные трудности советских реалий вступали в противоречие с идеологическими конструкциями, поэтому советская модерность как мировоззренческая система не была повсеместной, однако завоевывала в 1930-х гг. сознание представителей самых разных социальных групп. Можно назвать массовое сознание советских людей этого периода *модернизирующимся*.

Заключение

Модерный по своим идеологическим установкам (прогрессивизм, динамизм, авангардизм) большевистский политический режим пришел к власти в традиционалистской стране с не слишком многочисленными модернизированными территориями. После эпохи «великих потрясений» большевики смогли воссоздать «очаги» модернизации (преимущественно в городах, но позже – и в сельской местности). При этом модернизационный проект осуществлялся под жестким контролем партийно-советских институций, что позволяет исследователям говорить о его реализации в консервативном и мобилизационном форматах. В изучаемом регионе проект столкнулся с рядом затруднений и ограничений, порожденных логистической разобщенностью территорий, организационными проблемами, вызванными низким кадровым потенциалом функционеров – агентов модернизационных действий власти, противоречивостью идейных конструкций модерна

и слабым их соответствием суровым реалиям межвоенного СССР, мировоззренческой невосприимчивостью многих архаически мыслявших советских граждан к идеологическим постулатам.

Анализ системных и мировоззренческих показателей советской Западной Сибири 1930-х гг. демонстрирует оформление в регионе модернизационной стратегии, которая проявлялась в том числе и в трансляции современных идей и образов. Исторические реалии быст-

ро трансформировавшегося региона демонстрируют сложность протекания объективно происходивших здесь модернизационных процессов, что создает как определенные затруднения в изучении советского варианта модернизации, так и широкие возможности для дальнейших эмпирических и концептуальных исследований специфики и результатов советского системно-государственного и идеолого-мировоззренческого проекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января – 10 февраля 1934 г. : стенограф. отчет. М. : Партиздат, 1934. 716 с.
2. Малия М. Советская трагедия: история социализма в СССР. 1917–1991 / пер. с англ. А.В. Юрасовского, А.В. Юрасовской. М. : РОССПЭН, 2002. 584 с.
3. Пайпс Р. Россия при большевиках / пер. с англ. Н.И. Кигай, М.Д. Тименчика. М. : РОССПЭН, 1997. 671 с.
4. Gorlizli Y. Ordinary Stalinism: the Council of Ministers and the Soviet Neo-patrimonial State, 1945–1953 // *Journal of Modern History*. 2002. Vol. 74, № 4. P. 699–736.
5. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. Вл. Наумова. М. : Ad Marginem, 1999. 480 с.
6. Гетти А. Практика сталинизма. Большевики, бояре и неумирающая традиция / пер. с англ. Л.Ю. Пантиной. М. : РОССПЭН, 2016. 374 с.
7. Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941 / авториз. пер. с англ. А.А. Пешкова, Е.С. Володиной. М. : РОССПЭН, 2017. 367 с.
8. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг. / пер. с англ. Л.Ю. Пантиной. М. : РОССПЭН, 2008. 336 с.
9. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 / пер. с англ. Л.Ю. Пантиной. М. : РОССПЭН, 2001. 95 с.
10. Красильников С.А. Серп и молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М. : РОССПЭН, 2003. 288 с.
11. Рыбас С.Ю. Сталин. М. : Молодая гвардия, 2015. 912 с.
12. Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: модернизм, идеология и культура в России и Советском Союзе / пер. с англ. Т. Пирусской. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 464 с.
13. Дом правительства : сага о русской революции. М. : Corpus, 2019. 969 с.
14. Великанова О. Разочарованные мечтатели: советское общество 1920-х гг. / пер. с англ. Л.Ю. Пантиной. М. : РОССПЭН, 2017. 295 с.
15. Хоффман Д. Взращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939 / пер. с англ. А. Терешенко. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 424 с.
16. Арнаутов Н.Б., Красильников С.А., Кузнецов И.С. и др. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.). М. : Полит. энцикл., 2018. 591 с.
17. Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности / пер. с англ. Н.С. Розова. М. : УРСС, 2015. 504 с.
18. Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М. : РОССПЭН, 2011. 735 с.
19. Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // *Экономическая история : обозрение* / под ред. Л.И. Бородинки. М. : ЦЭИ, 2002. Вып. 8. С. 146–168.
20. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. Н.С. Автономовой. М. : Ad Marginem, 2000. 512 с.
21. Фельдман Д.М. Терминология власти : советские политические термины в историко-культурном контексте. М. : ФОРУМ : НЕОЛИТ, 2015. 480 с.
22. Timasheff N. The Great Retreat. New York : E.P. Dutton & Co. Inc., 1946. 462 p.
23. Фурсов А.И. Вопросы борьбы в русской истории. Логика намерений и логика обстоятельств. М. : Книжный мир, 2020. 544 с.
24. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. М. : ПОСТУМ, 2015. 240 с.
25. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
26. Музейные материалы МКУК «Сарапульское культурно-досуговое объединение».
27. Шенк Б.Ф. Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог / авториз. пер. с нем. М. Лавринович. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 584 с.
28. Голодяев К.А. Новосибирск «на ощупь». Новосибирск : Изд-во МКУК «Музей Новосибирска», 2017. 320 с.
29. Вишневецкий А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М. : ОГИ, 1998. 432 с.
30. Рошковский К. Борьба старого мира с новым миром // *Младоросское слово*. 1938. 7 янв. С. 4–5.
31. Бородин Л.И. Концепции модернизации и модерности в контексте российских трансформаций XIX–XX вв. // *Уральский исторический вестник*. 2017. № 4. С. 6–15.
32. Государственный архив Новосибирской области (ГАО).
33. Помогает ли агитатор? // *Советская Сибирь*. 1935. 7 мая.
34. На БАМе // *Голос России*. 1936. 2 июля. С. 7–8.
35. Шлёгел К. Террор и мечта. Москва 1937 / пер. с нем. В.А. Брун-Цехового. М. : РОССПЭН, 2011. 742 с.
36. Джабаев Дж. Песня о братстве народов / пер. с каз. К. Алтайского // *Поэзия Октября*, 1917–1940. М. : Просвещение, 1987. С. 152–156.
37. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчиновой. М. : Университетская книга, 2005. 576 с.

Mikhail Yu. Shmatov, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: shmatov2009@yandex.ru

MODERNITY AND MODERNIZATION: INSTITUTIONS, PRACTICES AND IMAGES IN WESTERN SIBERIA (1934–1939)

Keywords: modernity, modernization, the USSR, Stalinism, the West Siberian Region.

The study is devoted to the problem of applicability of the theory of modernization to the realities of the interwar USSR. The goal is to reveal and analyze the possibility and admissibility of using the terms "modernity" and modernization to the history of Soviet Western Siberia in the 1930s. The realities and ideological images of the agrarian-industrial region in the period between the 17th and 18th congresses of the CPSU (b) have been studied. An important role in the study is played by the analysis of the key concepts of Sovietologists who analyzed the problems of the Soviet version of modernization.

The source base of the article is represented by office-work and egodocuments, journalistic and informational materials of periodicals, as well as elements of visual symbolism of Soviet painting, cinema, architectural and urban spaces. The analysis of mass sources is car-

ried out by the methods of content analysis, discourse analysis and intent analysis based on the systemic and civilizational approaches. In addition, the study is based on the theory of constructing images of reality (simulacra). The elements of these images and their socio-worldview functions are analyzed.

The definitions of modernization as a systemic historical process and modernity as an ideological and ideological construct about the “modernity of the Soviet system” were given. Further, the indicators of modernization in Western Siberia, its dynamics, taking into account the mass political campaigns of 1934–1939, and the main logistic and organizational contradictions were studied. It was found that effective modernization was a complex process, during which a number of difficulties arose related to the characteristics of the region, personnel, organizational and socio-economic problems. The inconsistency of research assessments of the course and results of Soviet modernization was noted.

Modernity is considered as an ideological construct that is difficult for contemporaries to perceive which is a simulacrum of the modernity of the USSR and the advanced system. An analysis of the Soviet official periodicals showed the active formation of a simulacrum of modernity (modern present and promising future), but complex social realities did not contribute to strengthening the confidence of Soviet people that their society was advanced. Therefore, real modernization was often carried out by mobilization.

Conclusions of the article are about the complex nature of modernization and the difficulties in the formation of a modern worldview in the USSR in connection with the excessive mobilization and statist practices of the party state. The author proves the controversial nature of the application of the theory of modernization to the study of Soviet realities and makes an assumption about the need for further development of the direction of social history of the USSR.

REFERENCES

1. The CPSU. (1934) *XVII s"ezd Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (b)*. 26 yanvarya – 10 fevralya 1934 g. [The 17th Congress of the All-Union Communist Party (b). January 26 - February 10, 1934]. Moscow: Partizdat.
2. Malia, M. (2002) *Sovetskaya tragediya: istoriya sotsializma v SSSR. 1917–1991* [Soviet Tragedy: A History of Socialism in the USSR. 1917–1991]. Translated from English by A.V. Yurasovsky, A.V. Yurasovskaya. Moscow: ROSSPEN.
3. Pipes, R. (1997) *Rossiya pri bol'shevikakh* [Russia under the Bolsheviks]. Translated from English by N.I. Kigay, M.D. Timenchik. Moscow: ROSSPEN.
4. Gorlizli, Y. (2002) Ordinary Stalinism: the Council of Ministers and the Soviet Neo-patrimonial State, 1945–1953. *Journal of Modern History*. 74(4). pp. 699–736. DOI: 10.1086/376210
5. Foucault, M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Supervise and punish. The Birth of the Prison]. Translated from French by V.I. Naumov. Moscow: Ad Marginem.
6. Getty, A. (2016) *Praktika stalinizma. Bol'sheviki, boyare i neumirayushchaya traditsiya* [Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition]. Translated from English by L.Yu. Pantina. Moscow: ROSSPEN.
7. Brandenberger, D. (2017) *Krizis stalinskogo agitpropa: Propaganda, politprosveshchenie i terror v SSSR, 1927–1941* [Crisis of Stalin's agitprop: propaganda, political education and terror in the USSR, 1927–1941]. Translated from English by A.A. Peshkov, E.S. Volodina. Moscow: ROSSPEN.
8. Fitzpatrick, Sh. (2008) *Povsednevnyy stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gg.* [Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s]. Translated from English by L.Yu. Pantina. Moscow: ROSSPEN.
9. Graziosi, A. (2001) *Velikaya krest'yanskaya vojna v SSSR. Bol'sheviki i krest'yane. 1917–1933* [The Great Soviet Peasant War: Bolsheviks and Peasants, 1917–1933]. Translated from English by L.Yu. Pantina. Moscow: ROSSPEN.
10. Krasilnikov, S.A. (2003) *Serp i molokh. Krest'yanskaya ssylka v Zapadnoy Sibiri v 1930-e gody* [The Sickle and the Hammer. Peasant Exile in Western Siberia in the 1930s]. Moscow: ROSSPEN.
11. Rybas, S.Yu. (2015) *Stalin*. Moscow: Molodaya gvardiya.
12. David-Fox, M. (2020) *Peresekeya granitsy: modernost', ideologiya i kul'tura v Rossii i Sovetskom Soyuze* [Crossing the borders: modernity, ideology and culture in Russia and the Soviet Union]. Translated from English by T. Pirusskaya. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
13. Slezkin, Yu.L. (2019) *Dom pravitel'stva: saga o russkoy revolyutsii* [The House of Government: The Saga of the Russian Revolution]. Moscow: Corpus.
14. Velikanova, O. (2017) *Razocharovannyye mechtateli: sovetskoe obshchestvo 1920-kh gg.* [Disappointed dreamers. Soviet Society of the 1920s]. Translated from English by L.Yu. Pantina. Moscow: ROSSPEN, 2017. 295 s.
15. Hoffman, D. (2018) *Vzrashchivanie mass. Modernnoe gosudarstvo i sovetskiiy sotsializm. 1914–1939* [Cultivating the Masses. Modern State Practices and Soviet Socialism. 1914–1939]. Translated from English by A. Tereshchenko. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
16. Arnautov, N.B., Krasilnikov, S.A., Kuznetsov, I.S. et al. (2018) *Sotsial'naya mobilizatsiya v stalinskom obshchestve (konets 1920-kh – 1930-e gg.)* [Social mobilization in Stalin's society (the late 1920s – 1930s)]. Moscow: Polit. entsikl.
17. Collins, R. (2015) *Makroistoriya: ocherki sotsiologii bol'shoy dlitel'nosti* [Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run]. Translated from English by N.S. Rozov. Moscow: URSS.
18. Rozov, N.S. (2011) *Koleya i pereval: makrosotsiologicheskie osnovaniya strategiy Rossii v XXI veke* [Track and Pass: Macrosociological Foundations of Russia's Strategies in the 21st Century]. Moscow: ROSSPEN.
19. Poberezhnikov, I.V. (2002) Modernizatsiya: teoretiko-metodologicheskie podkhody [Modernization: theoretical and methodological approaches]. In: Borodkin, L.I. (ed.) *Ekonomicheskaya istoriya: obozrenie* [Economic History: Review]. Vol. 8. Moscow: TsEI. pp. 146–168.
20. Derrida, J. (2000) *O grammatologii* [On Grammar]. Translated from French by N.S. Avtonomova. Moscow: Ad Marginem.
21. Feldman, D.M. (2015) *Terminologiya vlasti: sovetskie politicheskie terminy v istoriko-kul'turnom kontekste* [Terminology of Power: Soviet Political Terms in the Historical and Cultural Context]. Moscow: FORUM: NEOLIT.
22. Timasheff, N. (1946) *The Great Retreat*. New York: E.R. Dutton & Co. Inc.
23. Fursov, A.I. (2020) *Voprosy bor'by v russkoy istorii. Logika namereniy i logika obstoyatel'stv* [Issues of Struggle in Russian History. The Logic of Intentions and the Logic of Circumstances]. Moscow: Knizhnyy mir.
24. Baudrillard, J. (2015) *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and simulation]. Translated from French by A. Kachalov. Moscow: POSTUM.
25. The State Archive of the Russian Federation (GARF).
26. The Museum materials of MKUK “Sarapulse Cultural and Leisure Association”.
27. Shenk, B.F. (2016) *Poezd v sovremennost'. Mobil'nost' i sotsial'noe prostranstvo Rossii v vek zheleznykh dorog* [A Train to the Present. Mobility and Social Space of Russia in the Age of Railways]. Translated from German by M. Lavrinovich. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
28. Golodyaev, K.A. (2017) *Novosibirsk “na oshchup”* [Novosibirsk “to the touch”]. Novosibirsk: MKUK “Muzei Novosibirska”.
29. Vishnevskiy, A.G. (1998) *Serp i rubl'. Konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [The Sickle and the Ruble. Conservative Modernization in the USSR]. Moscow: OGI.
30. Roshkovskiy, K. (1938) *Bor'ba starogo mira s novym mirom* [The struggle of the old world with the new world]. *Mladorosskoe slovo*. 7th January. pp. 4–5.

-
31. Borodkin, L.I. (2017) Concepts of modernization and modernity in the context of Russian transformations of the 19–20th centuries. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 4. pp. 6–15. (In Russian).
 32. The State Archive of the Novosibirsk Region (GANO).
 33. *Sovetskaya Sibir'*. (1935) Pomogaet li agitator? [Does the agitator help?]. 7th May.
 34. *Golos Rossii*. (1936) Na BAME [At the Baikal-Amur Mainline]. 2nd July. pp. 7–8.
 35. Schlegel, K. (2011) *Terror i mehta. Moskva 1937* [Terror and Dream. Moscow 1937]. Translated from German by V.A. Brun-Tsekhoviy. Moscow: ROSSPEN.
 36. Dzhabaev, Dzh. (1987) Pesnya o bratstve narodov [A song about the brotherhood of peoples]. Translated from Kazakh by K. Altaysky. In: Prokopov, T. (ed.) *Poeziya Oktyabrya, 1917–1940* [Poetry of October, 1917–1940]. Moscow: Prosveshchenie. pp. 152–156.
 37. Scott, J. (2005) *Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchsheniya usloviy chelovecheskoy zhizni* [By the good intentions of the State. Why and how projects to improve the conditions of human life failed]. Translated from English by E.N. Gusinsky, Yu.I. Turchaninova. Moscow: Universitetskaya kniga.